

Можно говорить о складывающейся традиции недоверия Достоевскому — от легкого укора до тяжелого упрека — в связи с этим символом веры. Достоевский обвиняется в том, что вера, выраженная таким символом, не полна, не правильна, не церковна. Что в развитии религиозных представлений Достоевского этот символ веры занимает весьма скромное место. Что это скорее помеха на пути **правильного** религиозного развития писателя, а, может быть, даже и «лишний» этап.

«В сформулированном credo Достоевского еще отсутствует специфический религиозный момент», — пишет, например, Б. Н. Тихомиров, одним из первых предложивший переосмыслить «старые» представления о символе веры Достоевского (в духе «нового», религиозного литературоведения). Слова из письма Фонвизиной, по мнению исследователя, «не есть развитие “символа веры” писателя, тем более не есть его квинтэссенция; и уж во всяком случае нельзя сказать, что здесь “всё <...> ясно и свято”». Представление об Иисусе как об идеале человека, подчеркивает он, еще не отменяет безверия. «В письме к Фонвизиной, где Достоевский не только допускает возможность существования “доказательств”, “что Христос вне истины”, но также допускает и реальное положение вещей, при котором “действительно было бы, что истина вне Христа”»¹. (Замечу, кстати, что сослагательное наклонение здесь трактуется некорректно: как и любое «контрфактическое» высказывание типа «а если бы солнце упало на землю», оно вовсе не означает допущения реальности.)

¹ Б. Н. Тихомиров. О «христологии» Достоевского. — «Достоевский. Материалы и исследования». Т. 11. СПб., «Наука», 1994. С. 102, 103.

Несколькими годами позже (1998) «покушение» на символ веры Достоевского предпринял и В. А. Котельников. «Достоевский был глубоко проникнут духом Нового времени <...> Он долго оставался под влиянием секулярного гуманизма Ренессанса и Просвещения. Его мысль и воображение рано сосредоточились на человеке тварном, природно-историческом <...> Достоевский — ученик Вольтера, ученик гораздо более верный и последовательный, чем то обычно считают. <...> Ни традиционное христианское воспитание, ни опека Церкви, ни чтение Св. Писания не привели его в юности к выработке **правильного, твердого веросознания** — в этом Достоевский похож на многих своих современников»². «Правильное, твердое веросознание» трактуется исследователем как некий точный норматив, от которого молодой Достоевский был еще очень далек и к которому должен был так или иначе прийти. В этом смысле символ веры 1854 года — всего-навсего первый (даже пробный) шаг на пути к «правильной, твердой» вере. «Конечно, это еще не Христос Евангелия, не Христос Церкви — это идеал человечества, увиденный еще глазами гуманиста, но возлюбленный уже сердцем христианина, которое и подсказало Достоевскому, что Иисус не лучший из людей, а безмерно выше всего человеческого, выше всякой земной истины. Достоевский совершает свой решающий выбор. Это **первая ступень** на пути восстановления Христа в его душе, утверждения Его образа и веры в Него»³.

² В. А. Котельников. Христодия Достоевского. — «Достоевский и мировая культура». Альманах № 11. СПб., «Серебряный век», 1998. С. 20—21.

³ Там же. С. 23.